

Стакан молока для Шульженко

По решению Политуправления Ленинградского фронта джаз-ансамбль был направлен для обслуживания легендарной ледовой Ладожской трассы, прозванной ленинградцами ДОРОГОЙ ЖИЗНИ, и южной Действующей армии Волховского фронта.

В середине февраля 1942 года мы мчались по льду озера три мороза в тридцать два градуса. Это была дорога надежная. И сердце просто захлопывало от радости, когда мы видели идущий нам навстречу, в Ленинград, непрерывный поток груженых продовольствием машин. На тридцати трех километрах трассы этот поток шел безостановочно. Тамцы снега даже не понимали, что произошло. Они решили, что с такой регулярностью, такой непрерывной цепочкой руны могут идти только по железной дороге.

Нас поместили в деревне Мостовой, расположенной в трех километрах от пирса (пристань поселка Кобона), где были сосредоточены все грузы продовольствия для Ленинграда. Здесь больше двух месяцев была наша база. Отсюда на зорем автобусе мы совершали астроли во всех направлениях Ладожского озера.

Не побоюсь показаться субъективным, но здесь, на Ладоге, после долгих дней и ночей блокады в зате доброй русской крестьянки по имени Графина мы впервые увидели живых кошек и собак. «И, о чудо, — восторженно вскрикнула Шульженко, — живая коза!» И тут же вспоминала концерт на одном из ленинградских аэродромов в октябре 1941-го. Начальник клуба той летней части Тылевич (капустный театральный деятель, впоследствии главный администратор Малого театра) спросил, что нужно для того, чтобы сразу начать концерт. И тут Клавдия Ивановна говорит: «Ведь в простуженном боюсь, то больше одной-двух песен петь не сумею». Я добавлял:

«Ах, если бы стакан горячего молока!».

Тылевич исчез на двадцать минут. И принес стакан настоящего молока. Вы бы видели, с какой радостью этот человек подогрел на спиртовке для любимой артистки столь ценный стакан молока, который помог провести концерт.

Как мы старались мы, здесь, на Ладоге, держаться и быть бодрыми, наш вид, видимо, не удовлетворял врачей, и нам дали трехдневный срок, чтобы привыкнуть под строгим медицинским наблюдением к нормальному питанию. После того, как мы немного «вотосили», началась интенсивная работа. По три-четыре концерта давали мы в день. Нашими зрителями были в основном водители автомашин, перевозивших продовольствие и боеприпасы, летчики, охранявшие трассу, пезотники прибывающего из Сибири пополнения, дорожники, которые строили и ремонтировали уникальную ДОРОГУ ЖИЗНИ.

Фашисты бомбили эту дорогу круглосуточно, и озеро покрывалось воронками. Поэтому вдоль трассы стояли девушки с красными флажками, указывая безопасный путь в обход огромных пробоям во льду от недавнего налета. Узнав, что на трассу приехали артисты да еще джаз, да еще и из любимая Шульженко, девушки остановили наш автобус красными флажками и в «культурной» форме заявили, что дальше нас не пропустят, пока мы не дадим концерт. Клавдия Ивановна в такой ситуации не заставляла себя долго просить.

24 марта 1942 года наш ансамбль давал три концерта для воинов Волховского фронта и водителей автомашин. По окончании третьего нашу маленькую фронтовую семью (ведь с нами всегда был наш девятилетний сын Гоша) пригласили в землянку командующего 54-й армией Волховского фронта Ивана Ивановича Федюнинского

го за празднично накрытый стол.

Первый тост был провозглашен за Генералиссимуса Сталина. На этом месте, уважаемый читатель, тону задержаться.

Я не политик, не дипломат и не собираюсь своим скромным умишком куплетиста из Одессы судить о людях, бесспорно, выдающихся, со всеми их взлетами и падениями. Сейчас, в наше время «любопытства», некоторые «умники» и среди них уважаемые историки в своих воспоминаниях задним чис-

современным — в честь Клавдии Ивановны Шульженко по случаю дня ее рождения.

Удивленный и обрадованный, я спросил Ивана Ивановича, как он узнал об этом семейном празднике? Генерал отшутлился:

— Если бы моя разведка так же точно доносила мне о планах врага, как точно мне доносили о дне рождения Шульженко, то, смею вас заверить, успех на Волховском фронте был бы более значительным.

Неожиданно генерал с напускной строгостью спросил:

— Что же это вы, Клавдия Ивановна и Владимир Филиппович, одновременно обслуживаете и нашу, и фашистскую армию?!

— Видя наше недоумение, он, уже смеясь, рассказал, как недавно слушал передачу по радио из оккупированного Пскова и вдруг попал на концерт нашего джаз-оркестра.

«Ахтунг! Ахтунг! Выступают русские артисты для солдат и офицеров великой Германии!». Мы смотрели на Федюнинского, ничего не понимая. Успокоив нас, генерал продолжил: «Наверное, на одном из ваших концертов в какой-то части культуротники сделали запись, а при нашем отступлении немцы в качестве трофея захватили эту пленку».

Потом нам самим довелось услышать эту запись: «Мы счастливы, дорогие друзья, что сегодня выступаем для вас!».

Такими словами начинался концерт. И голос был мой, и слова вроде бы мои. Но сильно препарированные. В подлинном варианте я говорил: «Для вас, сталинских соколов, истребителей фашистских асов — наша музыка и песни. А по немецкому радио: «Для вас наша музыка и песни...».

Что говорить, фальсификация была сделана на высоком пропагандистском и техническом уровне. И мы с Клавдией Ивановной могли только с ужасом представить себе, как прокли-

нали нас те наши люди, кто слышал эту передачу.

Началась весна 1942 года, и лед на Ладоге становился слабым. Наша работа на трассе подходила к концу. Было уже известно, что на Военном Совете Волховского фронта Георгий Константинович Жуков сказал, что и «службе быта» на Ледовой трассе никаких претензий нет. Нам приятно было сознавать, что и этой «службе быта» относилось и работа нашего фронтового джаз-ансамбля. За два с половиной месяца мы успели дать свыше 200 выступлений.

И вот мы в последний раз грузим инструменты в автобус и направляемся к нашей постоянной базе в деревню Мостовую. Но не успеваем выехать из Кобоны, как начинается налет фашистской авиации. Высканываем из автобуса и забиваемся в канавы. Мы не раз попадали под бомбежки, были уже достаточно обстреляны, но такой, честно, нам, пожалуй, испытать еще не приходилось. И что греха таить, было очень и очень страшно. Самым храбрым оказался наш сын Гоша. Несмотря на отчаянные крики матери — «заройся в землю», он все время высматривал из канавы и считал самолеты.

На рассвете маленький пародик Ладожской флотилии взял курс на Ленинград. Мы медленно продвигались среди множества мелких и крупных льдин. Нас сопровождали наши истребители, как из тогда с любовью называли, — «шешечки». На душе было спокойно. Но через какое-то время совершенно неожиданно наш пароходик начал петлять и резко поворачиваться то в одну, то в другую сторону. Загрохотали зенитки. Нам сказали, что это новый налет на Кобону...

Владимир КОРАЛЛИ.

● Клавдия Шульженко и Владимир Коралли. Первые кадры.